

БЫТЬ ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ

СУХИНИН Сергей Викторович – выпускник НГУ 1976 г.

Окончил новосибирскую ФМШ в 1971 г.

Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН (Новосибирск), доцент кафедры гидродинамики мехмата НГУ.

Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники (1999).

Область научных интересов: механика жидкости и газа.

Более 30 лет занимается преподавательской деятельностью. В настоящее время читает спецкурс «Акустика неоднородных сред» и ведет семинары для старшекурсников университета. Среди школьников СУНЦ НГУ пользуется популярностью его факультативный курс лекций «Дополнительные главы высшей математики».

Автор и соавтор более 50 научных работ, в том числе 1 монографии, и 19 патентов

Если разложить человека и обезьяну на атомы, мы не увидим никаких отличий. Но по количеству информации на единицу веса человек лидирует в животном мире. Человек – носитель информации, и отсюда его главная задача: освоить информацию в процессе обучения, приумножить ее в результате исследований, сохранить и передать другим поколениям. Наверное, в этом и есть смысл жизни

Сергей Сухинин – выпускник новосибирской физматшколы

В седьмом классе я хотел быть столяром. А еще раньше – журналистом или историком, как отец. Когда в 1968 г. 14-летним мальчишкой поехал в Новосибирск, это было просто любопытство: по итогам районных, окружных и областных олимпиад по физике и математике, где я занимал первые места, меня пригласили в летнюю физматшколу при НГУ.

Сначала ехать не хотел – на это же время знакомый позвал охотиться на медведя. Но меня уговорила мама: убедила, что медведей в тайге много, а приглашение в ФМШ – одно. Так я попал в Академгородок. Променил среду профессиональных охотников и рыбаков на общество мальчиков, которые были ориентированы на интеллектуальные развлечения, например учебу и науку. Наука воспринималась нами как разновидность спорта.

В конце 1960-х гг., когда мы определялись с будущей профессией, в СССР были на подъеме все научные направления: математика, физика, химия, генетика, кибернетика. Наш выпуск разделился на три почти равные части: треть ушла в генетику, вторая треть, куда попал и я, – в прикладную математику, третья – в физику и другие науки.

На этот выбор повлияли не только личные успехи, но и авторитет педагогов. Школьные преподаватели достаточно точно оценили перспективность новейших научных направлений. Они, конечно, не зазывали к себе лично – у каждого из нас оставалась полная свобода выбора. Я, к примеру, обучаясь в ФМШ, ходил в Институт цитологии ставить опыты на хомяках. Но потом под влиянием спецкурсов и семинаров все-таки выбрал Институт гидродинамики.

Приехав из поселка Ханты-Мансийского округа в Новосибирск, Сережа Сухинин попал в среду сверстников, воспринимавших науку как разновидность спорта

В первые годы существования в ФМШ учились и восьмиклассники. Но интернатский быт вдали от родителей был нелегким испытанием для 14-летних подростков, и впоследствии от этой практики отказались

Энтузиазм и коллективизм

Нам читали лекции известные ученые, будущие профессора НГУ: директор ФМШ Е. И. Биченков и чл.-кор. Н. Н. Яненко. Они вели свои курсы два года в школе и после – в университете. Более того, они нас и впоследствии не бросали. У бывших учеников всегда была возможность посоветоваться по трудным вопросам.

В этом смысле система НГУ – СО РАН сохранилась до сих пор. И сегодня студенты приходят делать курсовые и остаются работать в Сибирском отделении по принципу «рыбак рыбака». Это практически персональное обучение. Как и мы в свое время, нынешние

Редколлегия стенгазеты механико-математического факультета НГУ «Оракул» (С. Сухинин – крайний слева). 1975 г.

Лаврентьев не ждал, когда к нему придет Хрущев и скажет: «Возьмите, пожалуйста, сто миллионов и сделайте для страны что-нибудь полезное»

Система отбора способных детей, заложенная еще при М. А. Лаврентьеве, охватывала всю восточную часть СССР – Сибирь, Дальний Восток и даже Среднюю Азию. Сотрудник Института гидродинамики и преподаватель НГУ С. В. Сухинин на Республиканской физико-математической олимпиаде в Уральске (Казахстан). 1985 г.

студенты чувствуют, кто из преподавателей им близок. Их интересуют те же вопросы – жизненный опыт, карьера, возможности. Им интересно пройти путь, как когда-то Ломоносов с рыбным обозом. Его путешествие, кстати, часто представляется как подвиг. А что, в сущности, в нем было такого? Людей вокруг много, опасностей никаких, одежда теплая. Я тоже в 14 лет в одиночку больше недели добирался до Новосибирска в болотных сапогах: полторы тысячи километров по Оби из поселка Ханты-Мансийского округа, двое суток ожидания парохода и все такое прочее. Ничего в этом героического нет.

Вспоминая основателей Академгородка, сегодня многие восторженно отзываются об уровне тогдашнего преподавания и говорят, что их лекции были бесподобными. Оглядываясь назад с высоты прожитых лет, хочу сказать, что это не совсем так. Подача материала была довольно эклектичной и сумбурной. На нас выплескивалось огромное количество информации и бездна личного энтузиазма. Однако у первопроходцев совершенно не было опыта преподавания в специальной школе. Построение некоторых курсов не отличалось стройностью и строгостью. Потом их успешно доработали сами авторы или их ученики.

По своему уже 30-летнему педагогическому опыту знаю, что с детьми общаться очень непросто: они не идут на компромиссы, не прощают ошибок. Одна неточность – и авторитет потерян. Сегодняшним

В студенческом стройотряде «Железный Самсон» после защиты диплома. Пайвино, Маслянинский р-н, 1976 г.

школьникам и студентам нужна четкая мотивация – почему надо сделать именно это, зачем нужен такой эксперимент? В 1960–1970-х гг. были совсем другие стимулы обучения: работали внутренние двигатели маленьких коллективов, царил дух товарищества, творческая атмосфера – все вместе это создавало мощный коллективный эффект. И, конечно, всех нас заражал энтузиазм преподавателей.

Надо сказать, что и мое педагогическое поприще в ФМШ и университете возникло естественным для того времени образом: меня попросили старшие товарищи, попросили – как приказали. Преподавание, между прочим, поддерживает в хорошей интеллектуальной форме. Это занятие никогда никому не мешало, если не воспринимать его как тупое и многократное решение одной и той же задачи, объяснение некоторой сути, которой сам до конца не понимаешь.

Наука и государство

На заре создания Академгородка вся система работы в Сибирском отделении и НГУ располагала к преподаванию и занятию наукой: перед академией стояли конкретные государственные задачи. Сибирское отделение было не региональной, а федеральной структурой. Сегодня статус СО РАН занижен. Отсюда и результат – отсутствие связи с производством, с правительством, дефицит глобальных идей развития.

Академия наук должна играть первую скрипку в государстве. Она должна ставить задачи и решать их на уровне страны, а идей у нее нет. В этом смысле М. А. Лаврентьев был топ-менеджером мирового класса: он держал связь с производством и руководством страны. Он не ждал, когда к нему придет Н. С. Хрущев и скажет: «Возьмите, пожалуйста, сто миллиардов и сделайте для страны что-нибудь полезное». И система тогда была ничуть не лояльнее – приходилось убеждать, пробивать. Судьба Академгородка много раз висела на волоске, когда Хрущев хотел его закрыть. Не успели бы построить – эти деньги сгорели бы.

Унылое впечатление производит нынешняя прослойка наших академических структур. Они отличаются от Лаврентьева, Яненко и других академиков старой закалки, как салонные львы от боевых генералов. Куда-то делся жесткий спрос за конкретные общественно полезные дела.

Талант надо растить с детства

Опыт специальной подготовки научных кадров, который имеет новосибирский Академгородок, очень важен не только для России, но и для всего человечества. Этот опыт активно используется во многих странах. Стало совершенно ясно, что профессиональных работников в естественно-научной сфере деятельности нужно готовить точно так же, как балерин, спортсменов или музыкантов – с детства. И готовить их могут только профессионалы.

Самое ценное, что было и есть сегодня в НГУ, – это умные дети. Я знаю молодого выпускника университета, которого крупные компании перекупают, как футболиста. По моим наблюдениям, сейчас талантливых студентов 3–5 человек на группу (всего в группе 20–25 ребят), поэтому, будучи штучным исключением, они не являются ориентиром для остальных. В наше время таких было примерно полтора десятка, т. е. они доминировали, они задавали планку. Почему так происходило? Благодаря известному способу отбора кадров – с помощью системы олимпиад собрать лучших со всего Зауралья.

Иногда говорят, что современная молодежь потеряла интерес к обучению. Дело в том, что нужно формировать рынок сбыта выпускников, создавать сферы трудоустройства – это высокие технологии, оборонная промышленность, биохимия и т. д. Потребность в квалифицированных кадрах огромная, но необходимо готовить их на востребованном уровне.

Очень многое, конечно, зависит от преподавателей. В 90-е гг. повальной эмиграции наш университет и Сибирское отделение потеряли целый слой талантливых педагогов и руководителей в возрасте от 30 до 50 лет. В советском же обществе, ругать которое считается хорошим тоном, личности такого масштаба, как В. А. Коптюг, жили и работали на всю катушку.

Не хочу говорить, что все потеряно – многое еще можно восстановить. Но часы уже тикают. Сибирское отделение и НГУ должны работать в плотной связке – только так мы сможем поднять ценность обеих структур. И неважно, станут ли институты кафедрами НГУ или университет – частью СО РАН. Главное – они должны быть единым целым.

Ведь университет – это не здание и не администрация. Это мы, выражаясь казенным языком – профессорско-преподавательский состав. И НГУ будет жить и развиваться до тех пор, пока ученые Сибирского отделения будут в нем преподавать. Или же все произойдет как в классической сказке – «они жили долго и счастливо и умерли в один день».

